

А.В. Дьяков

ПОЗДНИЙ ФУКО: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ VERSUS ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ¹

В статье рассматривается опыт обращения Мишеля Фуко к либеральной экономической теории, ставший для него способом ухода от метафизики субъекта и телеологической истории. Автор показывает, как Мишель Фуко констатировал смерть субъекта, бывшего центральной фигурой европейской философии начиная с Декарта. Автор демонстрирует, как Фуко представляет тип номадического интеллектуала, постоянно перемещающегося по дисциплинарной сетке, но при этом сохраняющего идейное и идеологическое постоянство в силу своей принадлежности к определенной профессиональной группе.

Ключевые слова: история философии, историк философии, субъект, телеология, история мысли, современность.

Занимаясь переводом лекционного курса Мишеля Фуко, прочитанного им в Коллеж де Франс в 1976 г., я заметил весьма примечательный диссонанс, вызываемый у известнейшего представителя французской философии знакомством с либеральной экономической теорией. Этот диссонанс сравним разве что с тем, то приходилось переживать средневековым европейским интеллектуалам, открывавшим для себя существование арабо-мусульманской традиции, по своей глубине и силе не уступавшей традиции христианской. Дело в том, что Фуко обнаружил существование теоретического поля, совершенно независимого от философии, но при этом делающего возможными постановку и решение этических и политических проблем, которые философия традиционно считала своими.

Экономическая теория, за последнее столетие пережившая подлинный расцвет, осваивает все новые области общественной реальности, своеобразно проблематизируя присутствующие в них феномены и процессы и, как правило, обращает мало внимания на существующие здесь теоретические пласты неэкономического порядка. Тем самым она тяготеет к превращению в тотальную метасистему, обходящуюся своими собственными методологическими ресурсами и не нуждающуюся в помощи со стороны естественных или гуманитарных наук. Подобно теоретической физике, она является «философией без философии». Во всяком случае, именно так представляется философам, чья корпорация все еще сохраняет претензию на монопольную выработку методологии рассмотрения этических проблем.

Фуко, в поздний период своего творчества совершающий поворот к этическому регистру философии, по характеру своего мышления остается эпистемологом и историком идей [1, 2]. Методология постановки и решения проблем, характерная для того или иного исторически сложившегося диспозитива знания, которую он называет проблематизацией, по-прежнему остает-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

ся в центре его внимания. Но он привык к истории идей, которая в самом широком смысле тяготеет к тому, чтобы быть историей философии. Другими словами, он имплицитно предполагает, что философская методология мышления и философский характер проблематизации всегда лежат в основании всякого генерализованного знания. Либеральная экономическая теория, с которой ему пришлось столкнуться при подготовке лекционного курса 1978/79 учебного года в Коллеж де Франс, продемонстрировала ошибочность такого представления [3].

Как мы уже упомянули, история идей (Фуко, как известно, возглавлял в Коллеж де Франс кафедру истории идей) для французского мыслителя хоть и не была тождественна истории философии, предполагала философский характер проблематизации, неизменно обнаруживающийся в том или ином эпистемологическом поле. Это позволяло ему сохранять представление о всецело политическом характере профессиональной деятельности интеллектуала, занимающегося исследованием истории идей. Конечно, он расходился с Сартром в оценке ангажированности интеллектуала, но ее политический характер не вызывал у него сомнений [4]. Более того, самый предмет истории идей при таком подходе неизменно представлялся ему политическим. Обобщая, можно сказать, что всякая генерализованная мысль представляла в глазах Фуко результатом движения от философии к той или иной области прикладного знания.

Экономическая теория, с которой соприкоснулся М. Фуко, занимаясь эпистемологическим исследованием политико-экономического диспозитива послевоенной Западной Германии, не только пошатнула его бессознательную уверенность в существовании (квази-)философского дискурса, лежащего в основании всякого общественно-политического дискурса начиная с классической эпохи, но и позволила пересмотреть статус историка мысли как интеллектуала, принимающего на себя ответственность за участие в формировании коллективного представления о современности. На смену диалектике юридического и исторического дискурсов пришло сознание необходимости создания экономики дискурса государственного. Политическая экономия в представлении Фуко вдруг оказалась экономией политического, и это переворачивание бинарной оппозиции терминов имело важнейшие последствия для моральной стороны вопроса, ибо теперь он ощущал потребность (или, во всяком случае, допускал такую возможность) в создании экономики морали. Таким образом, Фуко наметил грандиозную по своим масштабам программу, реализация которой имела потенциально радикальный характер, но была отложена на неопределенное время – как оказалось, навсегда.

Самый масштабный проект Фуко, получивший название «История сексуальности» и предполагавший выпуск шести томов, в которых рассматривалась бы общая экономия сексуальности в западной цивилизации, в каком-то смысле можно воспринимать как результат его знакомства с либеральной экономической теорией. Это последнее дало ему подтверждение радикального ницшеанского релятивизма, позволив окончательно расстаться с традиционным дискурсом о морали и предложить экономии морали, являющуюся частью политической экономии как всеохватной дискурсивной стратегии. Сам Фуко не был склонен подчеркивать подобные влияния на свое творче-

ство, подобно тому как не акцентировал он неопозитивистские влияния в книге «Археология знания», которые, тем не менее, там весьма заметны. Во втором и третьем томах «Истории сексуальности», ставших последними книгами Фуко, мы находим линию, начало которой было положено в лекционном курсе «Рождение биополитики».

Позднее творчество Фуко принято связывать с возвращением к проблематике субъекта и чуть ли не возрождением метафизики [5]. Небольшая книга Ж. Бодрийяра с провокативным названием «Забыть Фуко», конечно, вызвала праведный гнев фукольдианцев, но теперь задним числом предложенная в ней критика представляется вполне уместной. Заявив, что дискурс Фуко отражает те самые стратегии, которые его автор намеревался ниспровергнуть, Бодрийяр очень четко обозначил линию напряжения, по которой происходило самоосмысление современной философии в качестве философии современности. Сам Фуко удачно тематизировал современность в связи с кантовским текстом о Просвещении, подчеркнув, что в кантовском дискурсе философская современность впервые вопрошает о самой себе. Более того, по его мысли, изнутри философии вопрошает о себе сама наша современность, та современность, что началась с эпохи Просвещения и к которой причастны мы сами. И наконец, обращающийся к этой тематике историк философии (в данном случае сам Фуко) определяет собственное место в этой современности. То, что заметил в этом демарше Бодрийяр, не сразу бросается в глаза: определение собственной современности, предполагающее активность субъекта, должно опираться на определенную метафизику субъекта, о смерти которого Фуко заявил десятилетием раньше [6]. Теперь ему нужно найти онтологическое основание для активности субъекта, и находит он его в явно ницшеанской доктрине «заботы о себе» [7].

Концепция «заботы о себе» видится Фуко метафизически невинной, поскольку на место инстанции субъекта здесь поставлено понятие воли, которое можно трактовать весьма широко. У него, впрочем, речь идет о «воле к знанию» как реплике ницшевской воли к власти. Он постоянно подчеркивает, что речь идет именно о власти – власти в ницшевском, а не в обыденном смысле [8], а стало быть, речь о знании, а не о познании. Субъект знания – фигура властных отношений, отличная от картезианского субъекта познания и в каком-то смысле ему противоположная. Прослеживая историю этой «воли к знанию» от античного «*cognosce teipsum*» до сегодняшней заботы о себе, загоняющей людей в фитнес-клубы, Фуко демонстрирует постоянное присутствие в истории человечества властной инстанции, движущей человеческими поступками и формирующей идеи. Конечно, он ни в коем случае не субстантивирует власть, настаивая на необходимости отказа от самой формы вопрошания о власти, которая могла бы представить ее постоянной сущностью. Но даже представляя власть как градиент сопротивления идущим сверху властным воздействиям или как структурный эффект поднимающихся снизу стремлений этим воздействиям противостоять, он имплицитно предполагает существование «воли», лежащей в основании всех этих движений и, как бы то ни было, являющейся их онтологическим субстратом. Декларируя потребность в онтологии мысли, Фуко *volens nolens* приходит к онтологии воли, т.е. скрыто возрождает ту самую метафизику, от которой отказался десятилетием раньше.

Итак, можно признать правоту за Бодрийяром и согласиться с тем, что Фуко, быть может не вполне сознательно, возвращается к тем имплицитным установкам, которые сам же ниспровергал. Его борьба с транс-историческими универсалиями привела к утверждению новой универсалии. Во всяком случае, внешне это выглядит именно так. Изнутри все иначе: Фуко не собирается ни воскрешать суверенного картезианского субъекта, ни возрождать метафизику. Его намерение состоит в том, чтобы создать политическую экономию субъекта, который тяготеет к отождествлению не с *cogito*, но с *homo oeconomicus*.

Таким образом, Фуко можно «оправдать» перед лицом того типа критики, который ввел в оборот еще Бодрийяр и который впоследствии сделался столь распространенным и столь поверхностным, что стало общим местом утверждение о том, что Фуко-де в поздние годы воскресил субъекта. Можно вполне основательно утверждать, что имело место не воскрешение субъекта, а перевод проблемы субъективности в другой регистр – из регистра метафизики в регистр политической экономики. Воспользовавшись термином Б. Латура, нам стоит вспомнить весьма пронизательное замечание того же автора, что перевод той или иной инстанции из регистра в регистр требует также перевода понятийного аппарата, применяемого для его фиксации, что неизбежно ведет к трансформации самой инстанции. Это и происходит с субъектом у Фуко: перемещаясь из регистра философии в регистр политической экономики, он трансформируется таким образом, что критика, обращенная на него в философском регистре, его уже не настигает. (Бодрийяр, конечно же, вправе говорить о пролиферации симулякров, одним из которых и является этот субъект, но он рассуждает в рамках своей собственной логики, тогда как Фуко вправе рассуждать в своей.)

На наш взгляд, такое амбивалентное отношение к творчеству Фуко вполне оправданно. Для его объяснения следует обратиться к неявно присутствующей в творчестве (а лучше сказать, в профессиональной деятельности) этого во многом типичного французского интеллектуала бинарной оппозиции между историей мысли и историей философии. Как известно, М. Фуко возглавлял кафедру истории систем мысли в Коллеж де Франс и позволял себе замечания о том, что никогда не занимался философией. История мысли – дисциплина историческая, а не философская, и Фуко стремился к тому «счастливому позитивизму», которым его вооружило знакомство с британским неопозитивизмом еще во время работы над «Археологией знания». Предлагая статичные картины исторически существовавших состояний человеческой мысли вместо динамических схем ее развития («волшебный фонарь» вместо кино, как удачно выразился Ж.-П. Сартр), он отказался от истории длящихся во времени процессов и избавился, как ему самому представлялось, от вопросов о движущих силах истории и от связанных с ними телеологии и метафизики субъекта истории. История мысли виделась Фуко строго позитивистской наукой, избавленной от всякой метафизики.

Конечно, выдержать историю мысли в строго позитивистском ключе философу не удалось, ибо историческая наука как таковая несет с собой свою собственную метафизику. Возвращение к проблематике субъекта было неизбежным, однако Фуко предпринял перевод проблематики в новый регистр, где для традиционного субъекта не было места. Можно приводить доводы

«за» и «против» того, насколько удачным было это предприятие, но нас сейчас интересует не столько его оценка, сколько внутренняя логика. Говоря, что Фуко пытается создать политическую экономию субъекта, мы подразумеваем, что он стремится избежать всякой метафизики сущностей и отбросить навязчивое представление о трансисторических универсалиях, присутствующих в неизменном виде как свидетели длящихся процессов. Он постоянно перемещается по шахматной доске, меняя одну дисциплинарную клетку за другой, а заодно меняя правила игры. Номадический интеллектуал, вечно пребывающий в движении, – вот его идеал, и игра, которую он ведет, есть игра фигуры, не имеющей постоянного места приписки.

Суть этой игры заключается в следующем. Стремясь уйти от метафизики субъекта и телеологической истории, Фуко из регистра истории философии переходит в регистр истории идей, что позволяет ему оставить позади ряд вопросов философского порядка, разработка которых имплицитно предполагает ту самую метафизику, которую М. Фуко хотел бы отбросить. (Отбросить ее для него необходимо не только и, быть может, не столько в силу теоретических соображений, но и поскольку она несет с собой неприемлемые для него установки этического и политического характера.) Занимаясь историей идей, он остается историком философии в отношении метода и целей, что обеспечивает ему иммунитет от врожденных пороков исторической науки. Позитивистские установки, которые Фуко приносит с собой в эту область, сближают его со школой Анналов и вообще с историками, отказывающимися от изучения длительностей. Традиционно настроенные историки порицают его за дилетантизм и стремление уклониться от вопросов, составляющих самую суть исторической проблематики.

Однако, отказавшись поддерживать телеологическую историю, удобную для историков и дающую твердую почву ангажированным интеллектуалам вроде Сартра, Фуко, оставаясь философом-структуралистом, берется за проблему, которую уже пытались своеобразно разрешить Делез и Гваттари и которая до сих пор не имеет удовлетворительного решения в рамках исторической дисциплины. Сам Фернан Бродель был склонен оставить открытым этот вопрос: является ли капиталистическая формация порождением определенного типа государства или наоборот, определенный тип государства порождает капитализм как общественно-экономическую формацию. Фуко не просто решает этот самый сложный и запутанный вопрос, но еще и повышает ставку: он берется показать, что такое вообще государство.

«Государство вовсе не есть естественно-историческая данность, которая развивается в своей собственной динамике в „бесстрастного монстра“, семя которого брошено в определенный исторический момент и который малопомалу пожирает его; государство вовсе не таково, государство – не бесстрастный монстр, оно коррелятивно определенному способу управлять. Проблема заключается в том, чтобы узнать, как развивается этот способ управлять, какова его история, как он побеждает, чем он ограничивается, как он распространяется на ту или иную область, как он изобретает, формирует, развивает новые практики...» [9. С. 18–19]. Выстраивая политическую экономию субъекта и его сложных отношений с государством и обществом, Фуко избегает тех опасностей, что сулят традиционная история и метафизика, и рисует картину становления Западной Германии, отличную от принятой в

англо-саксонском мире. Но это, конечно, не является его главной целью; куда важнее для него анализ властных отношений, в структуре которых конституируется современный субъект.

Подведем итоги. Мишель Фуко, начинавший свою карьеру как феноменолог, стремившийся к выявлению истины субъекта, пройдя через ряд исканий в 1960-х гг., констатировал смерть субъекта, бывшего центральной фигурой европейской философии начиная с Декарта. Эта констатация представляла для него отказ от метафизики Нового времени и определение своего места в истории как постсовременного (хотя сам он подобной терминологией не пользовался, речь идет именно о сворачивании той эпистемы, которая определяла себя как современную, по меньшей мере со времени Канта). В 1970-е гг. Фуко предпринимает демарш, который зачастую воспринимают как «воскрешение субъекта», хотя речь идет скорее о замене суверенного субъекта множественной и плюралистичной моделью субъективности. Переход из регистра истории философии в регистр истории идей позволил ему уйти от метафизики субъекта в пространство позитивного знания, но методология и идейная позиция историка философии обеспечили ему иммунитет от телеологической истории. Таким образом, Фуко представляет тип номадического интеллектуала, постоянно перемещающегося по дисциплинарной сетке, но при этом сохраняющего идейное и идеологическое постоянство в силу своей принадлежности к определенной профессиональной группе.

Литература

1. O'Farrell C. Foucault: historian or philosopher? New York : St. Martin's Press, 1989. 200 p.
2. Noiriell G. Foucault and History: The Lessons of Disillusion // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66, № 3. P. 547–568.
3. Foucault and the political reason: liberalism, neo-liberalism, and rationalities of government / A. Barry, Th. Osborne, N. Rose (eds.). Chicago : University of Chicago Press, 1996. 288 p.
4. Levy N. Being up-to-date: Foucault, Sartre, and postmodernity. New York : P. Lang, 2000. 207 p.
5. Ray L. Foucault, critical theory and the decomposition of the historical subject // Philosophy and Social Criticism. 1988. Vol. 14, № 1. P. 69–110.
6. Cook D. The subject find a voice: Foucault's turn toward subjectivity. New York : P. Lang, 1993. 152 p.
7. Barker Ph. Michel Foucault: subversions of the subject. New York : St. Martin's Press, 1993. 232 p.
8. Bevir M. Foucault, Power, and Institutions // Political Studies. 1999. Vol. 47, № 2. P. 149–167.
9. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. А.В. Дьякова. СПб. : Наука, 2010. 448 с.

Alexandr V. Dyakov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: a.diakov@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 115–121.

DOI: 10.17223/1998863X/54/12

THE LATE FOUCAULT: EPISTEMOLOGY VERSUS ECONOMIC THEORY

Keywords: history of philosophy; historian of philosophy; subject; teleology; history of ideas; modernity; political economy.

The article discusses the experience of Michel Foucault's appeal to liberal economic theory, which became his way to avoid subject metaphysics and teleological history. The author shows how Foucault, after going through a series of searches in the 1960s, ascertained the death of a subject who

had been a central figure in European philosophy since Descartes. For Foucault, this statement was a rejection of the metaphysics of the New Time and the definition of his place in history as a post-modern one. In his later works, Foucault replaces the sovereign subject with a multiple and pluralistic model of subjectivity. The transition from the register of the history of philosophy to the register of the history of ideas allowed him to move away from the metaphysics of the subject into the space of positive knowledge, but the methodology and ideological position of a historian of philosophy provided him immunity from teleological history. Thus, as the author demonstrates, Foucault represents a type of a nomadic intellectual who is constantly moving along the disciplinary grid, but simultaneously maintains conceptual and ideological constancy by virtue of his affiliation with a particular professional group. It can be quite reasonably argued that in Foucault's later works there was no resurrection of the subject, but there was a transfer of the problem of subjectivity to another register—from the register of metaphysics to the register of political economy. Using the term of Bruno Latour, we should recall his very insightful remark that transferring an instance from a register to a register also requires transferring the conceptual apparatus used to fix it, which inevitably leads to the transformation of the instance itself. This is what happens with Foucault's subject: moving from the register of philosophy to the register of political economy, the subject transforms in such a way that the criticism addressed to him in the philosophical register does not reach him. In an effort to get away from subject metaphysics and teleological history, Foucault transforms the register of the history of philosophy into the register of the history of ideas, which allows him to leave behind a number of questions of philosophical order, the development of which implies the metaphysics Foucault wanted to discard. Engaged in the history of ideas, Foucault remains a historian of philosophy with regard to the method and goals, which provides him with immunity from the inborn vices of historical science.

References

1. O'Farrell, C. (1989) *Foucault: historian or philosopher?* New York: St. Martin's Press.
2. Noiriel, G. (1994) Foucault and History: The Lessons of Disillusion. *The Journal of Modern History*. 66(3). pp. 547–568. DOI: 10.1086/244886
3. Barry, A., Osborne, Th. & Rose, N. (eds) (1996) *Foucault and the political reason: liberalism, neo-liberalism, and rationalities of government*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Levy, N. (2000) *Being up-to-date: Foucault, Sartre, and postmodernity*. New York: P. Lang.
5. Ray, L. (1988) Foucault, critical theory and the decomposition of the historical subject. *Philosophy and Social Criticism*. 14(1). pp. 69–110. DOI: 10.1177/019145378801400104
6. Cook, D. (1993) *The Subject Find a Voice: Foucault's Turn Toward Subjectivity*. New York: P. Lang.
7. Barker, Ph. (1993) *Michel Foucault: Subversions of the Subject*. New York: St. Martin's Press.
8. Bevir, M. (1999) Foucault, Power, and Institutions. *Political Studies*. 47(2). pp. 149–167. DOI: 10.1111/1467-9248.00204
9. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [Birth of Biopolitics. The course of lectures delivered at the College de France in the 1978–1979 academic year]. Translated from French by A.V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka.